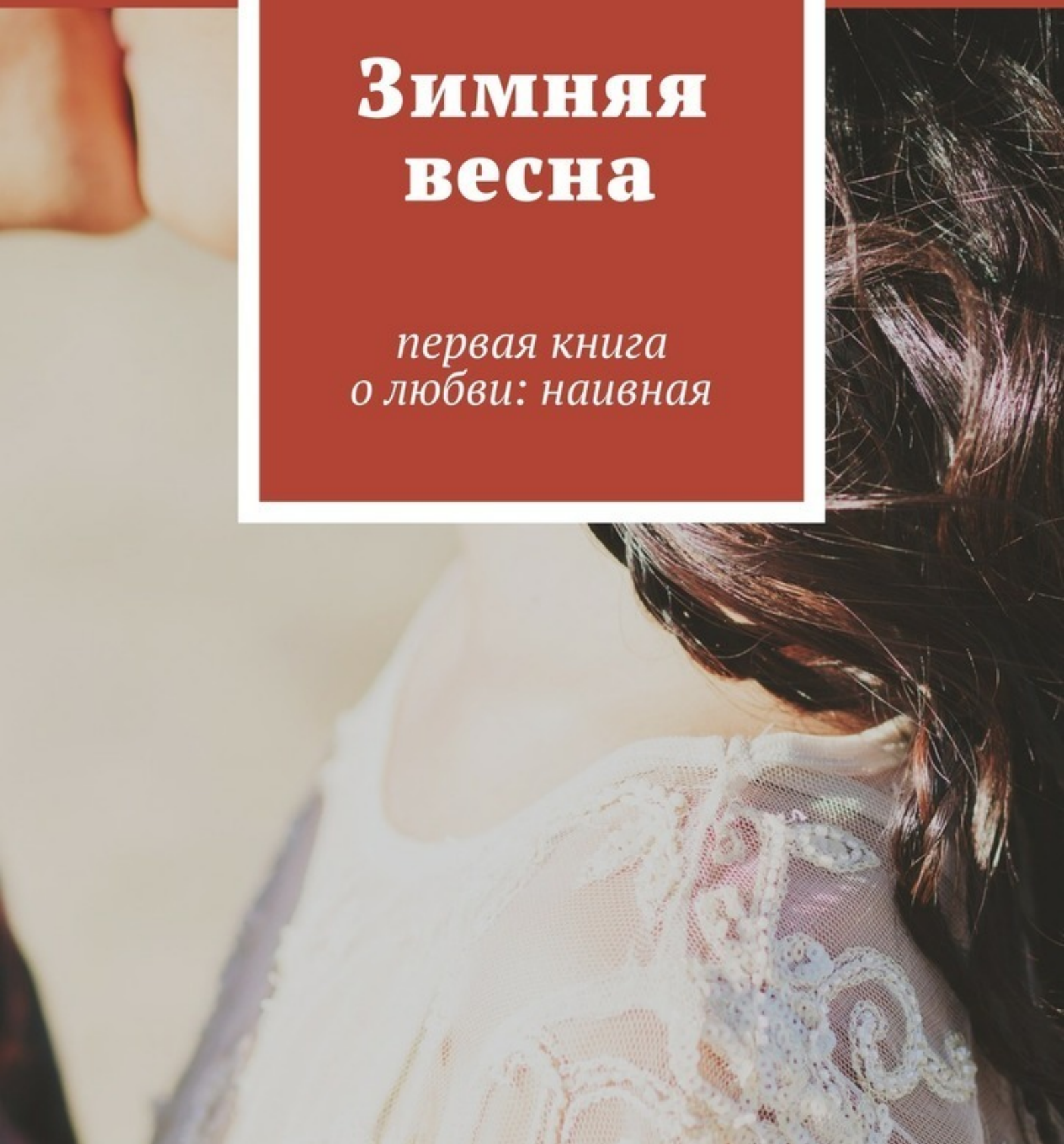


Гульназ Резванова

Зимняя весна

*первая книга
о любви: наивная*



Гульназ Резванова

**Зимняя весна. первая
книга о любви: наивная**

«Издательские решения»

Резванова Г.

Зимняя весна. первая книга о любви: наивная / Г. Резванова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749506-0

Мне хотелось написать красивую и трогательную историю о чувствах, которые, как первые весенние цветы, что, робко пробиваясь из-под снега после долгих месяцев стужи, крепнут, наливаются силой и ароматом, вырастают в настоящую любовь, которой не страшны ни время, ни расстояния.

ISBN 978-5-44-749506-0

© Резванова Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1	7
2	11
3	16
4	18
5	21
6	23
7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Зимняя весна первая книга о любви: наивная Гульназ Резванова

© Гульназ Резванова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Пролог

В светлом гулком помещении аэропорта в Завентеме было многолюдно, как впрочем, и положено тому быть. Брюссель – столица Евросоюза – притягивал к себе не только туристов и чиновников, хотя и тех и других было здесь с лихвой. Через этот аэропорт проходило множество стыковочных рейсов, поэтому здесь всегда присутствовали вяло-валяжно шатающиеся, не знавшие, куда себя приткнуть в ожидании следующего рейса, наравне с суетливо-опаздывающими, которые сердито продирались сквозь праздную толпу к стойкам регистрации.

Молодой парень Марк в футболке солнечного цвета, обтягивающей покрытые бронзовым загаром мускулы, горчичных хлопковых брюках, измятых в мелкую складку из-за долгого перелета, и в открытых черных сандалиях на босу ногу неспешно прошел мимо стойки номер 11, бросив на очередь, толпившуюся у нее, короткий, но цепкий взгляд.

Это был четвертый или пятый по счету круг, который размеренно совершил Марк по траектории вдоль ряда стоек регистрации. Каждый раз он смотрел на наручные часы, и с каждым разом взгляд его становился все более рассеянным и потерянным.

Наконец, замкнув еще один круг, он, окончательно поникший, остановился, оперившись на информационную стойку. Поместив рюкзак на полу между ногами, а руки в передних карманах брюк, он погрузился в свои мысли, время от времени поглядывая на часы.

Он не узнал ее, ту, которую ожидал в течение бесконечных двух часов, прошедших с момента его приземления в аэропорту Брюсселя. Она возникла внезапно в толпе, образовавшейся у стойки номер 11 и, увидев его, поспешила навстречу, лучезарно улыбаясь. Голос автоинформатора заглушил ее обращение, направленное Марку.

1

«Я хочу получить грант для написания кандидатской диссертации, потому что меня действительно волнует проблема национальных разногласий, которые очень остро встали перед моей страной в последние годы».

Моник повторяла про себя заученную речь, которую она произносила перед комитетом по присуждению грантов на исследовательскую работу в Гентском университете в Бельгии. В это время в окне, в которое был устремлен ее взгляд, разбежался по взлетной полосе очередной самолет с красными точками, вырисовавшими латинскую букву b на синем, цвета паву, хвосте и надписью того же цвета на корпусе Brussels Airlines. Через какие-то полчаса ей тоже предстоит взлететь на самолет в небо и отправиться в тотальную неизвестность. По условиям гранта Моник должна была отправиться на 6 месяцев в Россию, в город Казань, в котором, по мнению комитета, ей удалось бы найти превосходный материал на тему: «Проблема межнациональных коммуникаций». Вернее, искать проблемы ей надо было в собственной стране, а отправлялась она за изучением наглядного успешного решения этих проблем.

В голове, словно в ответ на ее речь, всплыли слова ее подруг и их недоуменные лица. «Кому нужны твои исследования? Это все политика, не будь разногласий, кому нужны были бы политики?» – говорила Софи. Ей вторила Матильда: «Ну-ну, посмотрим, как ты взвоешь в другой стране. Сразу решишь, что никаких проблем вовсе нет». «Не дури, зачем тебе нужен этот грант? Тем более уезжать надо на полгода. Это же целая вечность!» – крутила пальцем у виска Эмма.

Никто не верил до конца, что Моник все-таки подпишет согласие на участие в гранте и отправится в Россию. Но именно недоумение и ирония ее ближайших подруг и стало последним решающим фактором. Тихую и молчаливую Моник подруги никогда не принимали всерьез. Таскали ее везде за собой, потому что с ней было удобно. Она могла всегда одобрительно высказаться по поводу нового наряда или бижутерии. А если не одобряла, то молчала или отводила в сторону взгляд и тему разговора, так, что невозможно было понять – нравится или нет. Еще Моник была прекрасным слушателем, она могла подолгу слушать, и казалось, что она слышит, а не занята своими мыслями. По крайней мере, поддакивала она всегда вовремя и по существу. И всегда-всегда принимала сторону своих подруг.

Все они оканчивали магистратуру факультета общественных и политических наук Гентского университета Бельгии и присматривали себе достойное занятие на будущее. «Социолог» – именно так значилась в дипломе присужденная квалификация, весьма благозвучная профессия, которая, все же, не сулила особых почестей и славы. Кроме того Моник мучили вопросы ее самоопределения. Она плохо представляла себя в будущем, занимающуюся исследованиями. Вернее, она представляла себя этакой бесполезной букашкой, копошащейся в бумажках. Куратор ее курса предложил Моник, как весьма старательной на его взгляд ученице, продолжить обучение и писать докторскую диссертацию. Не последним был факт высокой финансовой обеспеченности семьи Моник. Не всякая семья согласится оплачивать образование в престижном вузе своего великовозрастного чада еще пару лет. Подруги Моник сразу открыли ей глаза на прозорливость куратора, предложившего со всего потока именно Моник поступать в докторантуру. Именно тогда в ее душе затаилось оскорбленное чувство превосходства. Теперь ей непременно надо было доказать всем, что она не просто способна выудить у родителей средства на обучение, чтобы потешить свое самолюбие. А что она действительно может внести вклад в общественное дело, в свою профессию, посвятив себя изучению такого тонкого спорного вопроса между двумя языковыми сообществами, населявшими территорию Бельгии.

В то же время в отделе международных отношений университета разыгрывался грант, участие в котором позволило бы расширить географию исследований по выбранной теме. Это показалось очень важным для куратора, и она настояла на участии Моник в гранте. Получение его означало бы, что сразу после окончания основного курса университета она отправилась бы собирать материалы, которые могли бы лечь в основу ее работы. Так, не сильно разобравшись в самой себе и в теме работы, которую с легкостью подобрала для нее куратор, Моник оказалась в списке кандидатов на получение гранта.

«Поиск путей примирения между двумя национальными группами, почти два века сосуществующих на территории одной страны, позволит заложить основы для развертывания широкомасштабного проекта по нивелированию возникших противоречий вплоть до полной их ликвидации» – продолжала повторять про себя Моник, упершись недвижимым взглядом в горизонт, в котором стремительно исчезал силуэт самолета.

Верила ли она сама в успех своей работы? Об этом спросил ее старший брат, который уже лет пять назад покинул родительский дом, обзавелся семьей и, продолжая традицию родителей, трудился не покладая рук. Моник тогда промолчала. Люкас, не дожидаясь ответа, по-доброму пожелал ей удачи.

Родители Моник, простые работяги, сколотившие приличное состояние, были только рады, что их младшая дочь проявила интерес к науке. Образованность была для них символом интеллигенции. А само слово интеллигенция отождествлялось для них с чем-то возвышенным, аристократичным, таким далеким от земли, сельского хозяйства, рабочей техники, с которыми была связана вся их жизнь.

Ее парень, Патрик, когда узнал о ее решении, только пожал плечами и промолчал. На самом деле Моник сообщила ему об этом по телефону, поэтому она могла только догадываться, что он пожал плечами. Как-то же должен был отреагировать человек, когда его девушка собирается умчаться на другой край Европы на целых полгода! Им в любом случае давно уже пора было устроить передышку. Отношения, которые длятся больше четырех лет, должны как-то развиваться или должны закончиться совсем. Возможно, этот тайм-аут позволит им обоим решить для себя, в какую сторону им двигаться дальше.

Как бы там ни было, дело было сделано. Грант одобрен, согласие Моник заверено ее подписью на бумагах, багаж сдан, и теперь оставалось дожидаться объявления посадки, чтобы окончательно поверить – все, что происходит, в действительности правда.

Подготовка к гранту, решение организационных вопросов и непосредственно сборы заняли почти полгода. Окончание магистратуры, грандиозная вечеринка, посвященная выпуску, летние каникулы и даже долгожданная поездка в соседние Нидерланды к друзьям отодвинулись на второй план в связи с этим. Особенно пропадало настроение радоваться этим значимым и приятным событиям, когда родители Моник, невероятно гордые своей дочерью, рассказывали всем знакомым во всех подробностях, как их ненаглядная дочь *решилась* на столь ответственное мероприятие. Порой в их интонациях проскальзывала восторженность, какая могла быть у родителей, отправивших своего ребенка спасать мир.

Моник услышала шевеления и шум за своей спиной и, обернувшись, увидела, что за стойкой посадки на борт появилась симпатичная сотрудница аэропорта. Моник потянулась за маленьким спортивным рюкзачком и, закинув его на плечо, двинулась в сторону стойки, где уже образовалась очередь. Она мысленно прокрутила ожидающие ее события сегодняшнего дня – ей предстоит два перелета. Сначала в Москву, а потом в Казань, где ее встретит приемная семья. По условиям гранта она должна будет жить в приемной семье на протяжении всего времени пребывания в России. В семье живет ее ровесница, девушка Катя, которая должна будет помочь освоиться в чужой стране и всячески помогать при написании работы. По сути, Катя станет куратором ее работы. Взамен семья Моник должна будет принять Катю, когда та придет собирать материал для своей кандидатской работы. По плану это должно будет случиться

через год после возвращения Моник домой. Учредители гранта называли способ размещения красивым термином – программа международного студенческого обмена. На самом же деле это был прекрасный способ сэкономить на проживании и питании студентов. Так как все это должна обеспечить принимающая семья.

Проходя мимо стены с зеркальной поверхностью, Моник окинула себя взглядом. На нее смотрела худосочная, высокого роста девушка. Как и все худые девушки, ей показалось, что джинсы, туго обтягивающие ноги, ее полнят. Футболка с принтами, поверх которой был накинута короткий пуховик, хоть и была заправлена в джинсы, все же вполне явственно указывала, что Моник – обладательница упругого пресса и маленькой, но высокой груди. Такая модельная фигура, впрочем, скрадывалась типичной, ничем не привлекающей внимание внешностью – темно-карие глаза, средней полноты губы, аккуратный прямой нос и длинные темные волосы. Во всем ее облике не было ничего лишнего – ни килограммов, ни броских красок, ни притягательных или, напротив, отталкивающих черт или жестов. Даже в глазах трудно было уловить какие-нибудь эмоции. Она казалась «черным ящиком», варившимся в своем мире. Но «черный ящик» этот, впрочем, не хранил каких-то особых тайн и загадок. Ее интересовали вполне обычные вещи, волновало все то, что может волновать в 22 года девушку. Самой себе она казалась невероятно разумной, взрослой, опытной. Со стороны же чрезмерно серьезная и углубленная в свои мысли Моник напоминала изображения ангелов на рождественских открытках – малышек с взрослыми выражениями лица, с той разницей, что ангелочков принято изображать светленькими с голубыми глазами, а Моник была темненькой.

Заняв место в самолете, Моник вдруг почувствовала беспокойство. Если подготовка к гранту и сборы прошли для нее отчужденно, то теперь, ощутив пятой точкой сиденье самолета, она поняла всю реальность происходящего. Место Моник было у прохода, и ей пришлось два раза подняться, чтобы пропустить ее соседей на свои места. Рядом сел приятный мужчина в костюме, фламандец, который, улыбнувшись и представившись, поспешил втянуть Моник в разговор. Вскоре разговор затух в силу особенности Моник односложно отвечать на вопросы и не задавать дальнейших вопросов. На протяжении последующих трех часов полета Моник была предоставлена своим мыслям, которые все более навязчиво начинали кружиться в ее голове. Куда она едет? С чего она взяла, что вообще хочет поступать в докторантуру и тем более отправляться за материалом для работы в полную неизвестность?! Как она позволила втянуть себя в эту авантюру?! Почему ее подруги, в конце-концов, не проявили большего красноречия, когда отговаривали ее от поездки?!

Ей хотелось закрыть глаза и, открыв их, очутиться уже вновь дома после окончания поездки. Она даже согласна была вырезать из памяти 6 месяцев своей жизни. Что она знала о городе, в который она отправляется? Столица одного из регионов России. Город с населением почти 2 миллиона жителей. В сумке, которую Моник сдала в багаж, лежала папка с информацией о стране, городе, принимающей семье. Моник так и не прочитала ее и сейчас жалела, что оставила ее в багаже. Неизвестность пугает больше всего!

Моник была не единственным участником гранта. Их, шестеро победителей, разбросали по разным городам Европы в зависимости от темы дипломной работы. Кого-то, она слышала, направили тоже в Россию, но в крупные города – Москву и Санкт-Петербург. Об этих городах, по крайней мере, было что-то известно. У нее даже были друзья, которые путешествовали по России и могли рассказать ей много о Москве. Город, который определили для нее, – Казань, был примечателен тем, что в нем, по данным комиссии, мирно сосуществовало множество национальностей и этнических групп. Изучив опыт межнациональных взаимодействий, Моник, как полагалось, смогла бы вывести практические приемы решения затянувшихся разногласий между Фландрией и Валлонией.

Все эти оговорки «как бы», «если бы», «полагалось» совсем не добавляли Моник уверенности в выбранном ею пути. Пытаясь как-то собрать в голове картинку-план дальнейших дей-

ствий, Моник прикрыла глаза. Это был проверенный способ остановить гонку мыслей в голове, выстроить их в определенный порядок и отместить пока ненужные. Она мысленно нарисовала пункт №1 и обвела его в кружок – встреча с приемной семьей. Она представила, как видит табличку со своим именем в аэропорту и через мгновение девушку с милой улыбкой. Такой она запомнила на фотографии девушку Катю. Пункт №2. Провал. Ну ладно, дальше можно пропустить и сориентироваться по ходу развития событий. Потом она собирает информацию, пишет отчет, и вот уже последняя картинка в ее плане – отъезд, объятия, обмен адресами. На этой визуализации Моник полегчало. Она почувствовала, что ее начинает клонить ко сну. Мерный звук двигателя самолета и бормотание соседей способствовали этому. Через некоторое время стюардесса в красном шарфе, элегантно перекинутом через плечо, разбудила ее на обед. Нехотя поковырявшись в еде, Моник снова уснула.

2

Визуализация помогла. Когда Моник проходила по зеленому коридору таможенный контроль в международном аэропорту «Казань», она уже чувствовала себя намного уверенней. Она несколько раз проигрывала в голове, как она будет выходить в зал прилета, элегантно волоча за собой чемоданчик на колесах, как она встряхнет волосами и, увидев, табличку со своим именем, одарит встречающего ее своей фирменной улыбкой чуть исподлобья. Именно той улыбкой, которую она за несколько лет научилась фиксировать перед зеркалом специально для позирования для фотоаппаратов или других важных случаев. После недолгих раздумий она собрала волосы в хвостик, решив, что это придаст ей серьезности.

День был напряженный. Вдобавок к двум изматывающим перелетам, Моник, возможно, впервые столкнулась с кардинально новой обстановкой. Все это совершенно дезориентировало и без того плохо адаптирующуюся к новым условиям девушку. Ноги были уже почти ватные. Желудок начинало подкручивать из-за переживаний и отсутствия нормальной еды. Лицо, несмотря на постоянное увлажнение тоником, стало засаленным и липким. Но визуализация – великое дело. Со стороны Моник представляла себя роскошной, немного небрежной и чуточку отрешенной. Такой и надо было появиться перед приемной семьей.

В аэропорту, к ее превеликой радости, было немногочленно и тихо. Не было затмивающего слух гула, присущего большим аэропортам. Даже мрачноватый и унылый вид зала прилета показался ей приятным. Она волочила чемодан по серому мраморному полу, ища глазами табличку со своим именем. Взгляд Моник зацепился за круглое, милое лицо со светлыми кудрями, торчащими в разные стороны, сияющими глазами и приветливо растянутыми в улыбке губами. В памяти всплыла фотография Кати, единственной соломинки в полной безнадежной неизвестности. Ее имя на табличке было написано так коряво, что она даже засомневалась, верно ли она истолковала призывные знаки, которые девушка начала подавать, едва встретившись глазами с Моник.

– Добрый вечер! Вы – Катя? – обратилась Моник к кудрявой девушке. Язык общения был выбран английский.

– Да, да. Моник? – с готовностью ответила та. И начала быстро-быстро говорить что-то про радость встречи и прочие приятности, положенные по этикету.

Спустя мгновение из-за спины Кати вырос мужчина с чуть поседевшими усами и протянул руку к чемодану.

– Это мой отец – Владислав Сергеевич, – затараторила Катя, – ты сразу, конечно же, не запомнишь, но ты не переживай. Тебе сейчас все наши имена будут казаться непривычными на слух, но через полгода, я уверена, ты будешь произносить их не хуже, чем мы, – при этих словах она захихикала.

– Папа, знакомься, это Моник, – добавив тону официальности, кивнула в сторону мужчины Катя и тут же пролетепетала что-то, очевидно, на русском.

После ответа отца она перевела его слова Моник. Стандартное приветствие. Разве что очень уж тепло и мягко звучал его голос. Это сразу расположило Моник. Она кивнула головой и улыбнулась в ответ.

– Что же, пойдёмте, ты, наверно, ужасно устала! – Катя снова обрушила на Моник поток слов. – Я вообще не представляю, как в один день можно выдержать два перелета. Как подумаю, что мне, я надеюсь, такое тоже предстоит – сразу нервничаю. Как жалко, что нет прямых рейсов между Брюсселем и Казанью!

Катя была почти на голову ниже Моник и обладала четко очерченными формами: овальное тело, продолговатые руки и ноги, круглое лицо с не менее круглыми глазами-бусинками, губы тоже напоминали форму правильного овала. При этом полноватой ее назвать нельзя было,

даже по сравнению с худощавой Моник. Больше всего в ее облике притягивала улыбка, которая буквально не сходила с ее лица.

– Я взяла тебе теплое пальто и, видимо, очень кстати, – Катя грустно посмотрела на куртку Моник. – Правда, оно может быть тебе коротковато, но до машины добежать пойдет. А потом мы поищем тебе среди моих подруг какую-нибудь более подходящую вещь, чтобы нашу зиму перезимовать. А ты красотка, – вдруг добавила Катя, обращаясь к Моник. – Намного интереснее выглядишь, чем на фотографии.

Такая откровенность, несомненно, смутила бы Моник в другой ситуации, но сейчас она слишком устала, поэтому все происходящее ей представлялось как в тумане.

Катя говорила на очень четком английском с жестким акцентом, напоминающим немецкий. Моник знала английский немного хуже, чем французский, да что там преувеличивать, она с трудом понимала речь коренных англичан или американцев, хотя последних встречала очень редко. Но, как это обычно бывает, не носителя языка всегда легче понимать, потому что он говорит медленней, отрывистей и в целом проще.

– Я видела из иллюминатора самолета, что вся земля покрыта снегом, – проговорила Моник.

– Да, у нас уже зима всюю свирепствует, – подхватила Катя. – Несколько дней назад была сильная метель. У вас снег зимой выпадает?

– Выпадает. Но в гораздо меньших количествах.

Компания проходила по коридору, по которому гулким эхом проносились голоса других прилетевших и встречающих. В больших серых окнах Моник увидела ночь, освещенную желтым светом прожекторов, стоянку машин и вихрь из кружащихся мелких снежинок. Они остановились, чтобы дать Моник переодеться. Катя бросила взгляд на обувь и снова грустно покачала головой:

– Вот про обувь я не подумала, – она запустила руку в кудрявую шевелюру и начала их ерошить еще больше.

В это время Моник переодевала пальто, которое действительно оказалось коротковатым, зато с запасом сошлось на пуговицах. Катя протянула ей вязаный шарф и шапку, еще раз опасно покосилась на спортивные черно-синие скетчерсы Моник с ослепительно-белыми шнурками. Уже по одной только обуви можно было утверждать, что Моник приехала из Европы.

Выйдя на улицу, Моник буквально задохнулась от морозного воздуха. Только подул ветер, как ей показалось, что она вдруг оказалась голой. Она невольно уткнулась носом в ворот пальто, съежилась и обхватила обеими руками голову, натягивая плотнее шапку.

Они быстро зашагали прочь от здания аэропорта в сторону стоянки автомобилей. Постепенно тело Моник адаптировалось, и то ли кровь забегала быстрее, то ли от быстрой ходьбы она начала отогреваться. Покрутив головой по сторонам, она увидела огромные (как ей показалось тогда) горы снега по краям дороги, убегавшей вдаль. До машины дошли быстро. Катя открыла ей заднюю дверь автомобиля и кивнула, чтобы она садилась. Через мгновение она подсела с другой стороны, все так же открыто улыбаясь и постоянно вглядываясь в ее лицо, словно пыталась прочесть ее мысли. Но это была бы пустая затея, даже для того популярного вампирчика Эдварда, будоражившего воображение стольких молодых девушек по всему миру. Мысли Моник очень часто блуждали очень глубоко в сознании, что ей почти всегда казалось, что в данный момент она ни о чем не думает. В большинстве случаев мысли зарождались только как ответная реакция на вопрос, реплику или какое-то только что произошедшее событие. Поэтому ее ответы были немногосложными и как будто неоконченными.

Через несколько минут они двинулись по исчезающей в снежной метели дороге. Удивительно было видеть в ноябре месяце покрытую снегом землю, не припорошенную, а прямо-таки заваленную сугробами. «Интересно, весна в этой стране наступает позже, чем в Бельгии, или весна у них вместо лета?!» – так думала Моник, упершись взглядом в окно. Через некото-

рое время она, увидев наручные часы Кати, спросила у нее, какая разница во времени с Москвой.

– Мы живем по Московскому времени, – ответила Катя. – Ты переводила часы в Москве?

– Да. Я сделала это еще в самолете на Москву, чтобы не пропустить следующий рейс, – улыбнулась Моник. У нее начали отогреваться ноги, и она пошевелила отеками пальцами, мечтая о том, когда она сможет снять обувь.

– Дорога до города займет около 40 минут, потом еще по городу минут 15, – тоном экскурсовода сказала Катя. – Дома нас ждет моя мама – Елена Анатольевна. Я думала устроить сегодня праздничный ужин в честь твоего приезда, но потом мы решили, что ты устанешь с дороги и лучше тебя сегодня оставить в покое.

Моник постаралась вытянуть ноги, насколько это позволяло место в машине, и мысленно согласилась с Катей, что хорошо бы оставить ее в покое уже сейчас.

За окном была черная ночь. Свет от фонарей фантастическим образом отражался от сугробов снега, сгрудившихся по краям дороги рыхлой массой. Казалось, что снег светится изнутри. Сверху валы снега припорошивало пушистым слоем нового снега, а за ними расходилось вдаль, насколько можно было охватить взглядом, снежное поле. Огни аэропорта скрылись где-то в необъятном поле, а новые опознаватели ближайшей цивилизации еще не появлялись. Моник почувствовала вдруг тоскливость. Снова захотелось закрыть глаза, чтобы, открыв их, оказаться уже в машине родителей, а лучше сразу в своей комнате.

Она откинула голову на подголовник машины и прикрыла глаза. Катя начала рассказывать ей историю о том, как по пути в аэропорт перед их машиной выскочила кошка, а потом собака. Как отец еле успел вытормозить. Потом она переключилась на рассказ о том, как она готовилась к приезду Моник – предупредила соседей по площадке, сделала перестановку в комнате, подготовила теплые вещи и одолжила у знакомых ноутбук, специально для Моник. Она рассказывала все важным тоном, делая иногда перерывы для ответной реакции Моник. Увидев, что та сидит с закрытыми глазами, Катя замолкла. Отец Кати немного прибавил звук радио, и в машину полилась приятная мелодия – какая-то абстракция, но именно то, что надо было в этот момент Моник.

– Мы подъезжаем к городу, – торжественно заявила Катя через некоторое время. Моник взглянула в окно и увидела, что узкая полоса уходящей в никуда дороги сменилась широким шестиполосным шоссе, обрамленным высокой аркой в виде буквы М.

– Сейчас будем проезжать пост полиции дорожной службы, – Катя воспользовалась моментом, чтобы продолжить свою болтовню. – Потом немного по городу проедем и будем дома. Ты знаешь, в нашем городе через два года будет проводиться международная универсиада, – поддерживая торжественность своего тона, сообщила Катя. – По всему городу идет строительство спортивных объектов и другой инфраструктуры, поэтому в городе немного грязновато. Я буду выбирать маршруты, чтобы обходить стройку. Но, сама понимаешь, конечно, это будет трудновато, – Катя придвинулась поближе к Моник и говорила, чуть наклоняясь в ее сторону. – Например, недалеко от нашего дома идет строительство транспортной развязки. Как наступили холода, земля замерзла, и вокруг уже нет такой грязи, как это было осенью. – В любом случае, город наш очень милый и уютный. Я надеюсь, тебе здесь будет комфортно. Тебе понравится не только собирать материал, но и потусить, – Катя потрясла головой. – Как ты любишь проводить свободное время? – рассчитывая хоть как-то инициировать диалог, спросила Катя.

– Я обычно провожу время с подругами, – ответила Моник. – Мы по-разному проводим время. Шопинг, кафе, кино, – перечисляла Моник, пытаясь вспомнить, чем еще она занимается обычно. Неужели все ее свободное время она уделяла своим подругам? Ну, еще виделась с Патриком. Представив своего бой-френда, Моник поморщилась.

Последнее время она все чаще находила причины и другие дела, чтобы не встречаться с ним. Хотя их ритуал созваниваться на дню по несколько раз, сообщая друг-другу о своем местоположении, событиях, которые происходят в данный момент вокруг, ей был очень мил. И она с удовольствием, пожалуй, только в этом случае проявляла небывалую разговорчивость, описывая все в подробных мелочах, что ей попадалось на глаза в тот момент. Например, то, как преподаватель социологии – рассеянный мужчина, снова пришел в разных носках. Они были примерно одного цвета, но отличались по тону. Увидела Моник это в тот момент, когда он сел на стул и закинул одну ногу на ногу. А потом ему позвонил телефон, который, очевидно, стоял на режиме вибровозвонка, и он, вздрогнув, поспешно вытащил его из кармана, но, увидев имя звонившего, скинул звонок и с разочарованием переложил телефон в свой портфель. Поговаривали, что от него ушла жена. Или как в кафе молоденькая официантка так сильно наклонилась, протирая стол, что мужчина с соседнего столика, не сводивший глаз с ее декольте, тут же подозвал ее и долго-долго обсуждал с ней меню, советовался, какой напиток выбрать, и улыбался, опускал шуточки, пока, наконец, не решился спросить, не согласна ли она выпить с ним вечером после работы. На что девушка предложила прийти в кафе вечером, так как она будет работать допоздна. Патрик в ответ в том же духе сообщал ей, что происходит вокруг него в данный момент. Так они могли чирикать минут десять, а потом, договорившись созвониться позже, прощались до следующего раза.

Словно угадав, о чем она думает, Катя спросила, есть ли у нее бойфренд.

– Да, – коротко ответила Моник.

– А я все не могу определиться со своей второй половинкой, – мечтательно произнесла Катя, не дожидаясь ответного вопроса. – Вокруг меня столько симпатичных парней, но ничего конкретного не предлагают, – вздохнула она.

В этот момент внимание Моник привлекли контуры города, вынырывающие из темноты, и она прильнула к окну.

– Сейчас мы будем проезжать два объекта, построенных к универсиаде. Ты увидишь их справа – это теннисный корт и бассейн, – Катя махнула рукой в сторону возвышающихся на пустыре спортивных комплексов. – За ними – деревня Универсиады, сейчас пока дома отдали под общежития студентам.

Моник едва разглядела ряд зданий и светящуюся разными цветами вывеску в форме тюльпана. Теперь они проезжали мимо серо-бежевых жилых многоэтажек, обвешенных вывесками на разный лад, открытых автобусных остановок с несуразного вида магазинчиками, людей, прятанных лица от снега, и стайки псов с обвисшими клочьями шерсти.

– Это спальный район? – озвучила вслух свое предположение Моник.

На эти слова Катя немного смутилась, но потом улыбнулась и согласилась с ней:

– Можно и так сказать. Мы скоро будем дома.

От ярко-желтой вывески «Макдональдс» повеяло теплом. Если здесь обосновался «Макдональдс», значит, не так все уныло, как ей начало казаться. Она окинула взглядом огромные опоры, по всей видимости, для строящейся дорожной развязки. На перекрестке они повернули направо, пересекая неровности дороги, из-за чего машину раскачало так, словно они попали в легкий шторм на воде. Потом на пути снова были какие-то ямы, и машина отозвалась постукиванием в районе багажника. Катя извиняющееся улыбнулась:

– Мы все надеемся, что к Универсиаде город превратится в конфетку – с ровными широкими дорогами, ухоженными скверами, отремонтированными зданиями. Поэтому терпеливо сносим это грандиозную повсеместную стройку, – снова придав своему тону торжественности, сказала Катя.

Через некоторое время они завернули во дворы многоэтажного дома и остановились у подъезда. Вся увиденная Моник архитектура, включая подъезд дома, в который они направились, приводила ее в легкое удивление. Она, правда, видела очень похожие здания в восточном

Берлине, когда ездила навещать своих родственников. Да и в других городах Европы приходилось оказываться в жилых кварталах. Однако, ей, прожившей всю жизнь в окружении средневековой архитектуры, было нелегко принять облик этого города. Поразило ее, как на фоне безликих зданий то тут, то там выпячивались элементы модерна в оформлении магазинов и офисов и в виде отдельных построек. Словно на черно-белой фотографии нарисованы маркером цветные пятна. Единственным и действительно захватывающим дух украшением всей представшей перед ее глазами картиной был пушистый, искрящийся под светом фонарей снег.

Вся компания прохрустела по снегу до подъезда, и Моник с облегчением вздохнула, предвкушая теплое жилище и ночь, чтобы привести в порядок мысли. Вернее, она, конечно же, рассчитывала поскорее уснуть, но надеялась, что в это время ее мозг будет приводить мысли в порядок. А завтра все начнет складываться легко и гладко.

3

На пороге квартиры их встретила мама Кати – маленькая стройная женщина с короткими кудрявыми волосами, большими круглыми глазами и такой же, как у Кати, сияющей улыбкой. Она на очень красивом и официально-правильном английском поприветствовала Моник, представилась Еленой, приняла ее пальто, шапку. Прихожая переходила в небольшой холл, из которого в разные стороны расходились двери в гостиную, кухню, туалетную комнату и коридор. Владислав скрылся в коридоре с сумками Моник, по всей видимости, там находилась ее комната.

Елена поманила Моник за собой, и они оказались на пороге небольшой комнаты.

– Это комната Кати и твоя, – кивнула головой Елена в сторону комнаты. Моник быстрым взглядом окинула комнатку, которая при ее малых размерах удивительным образом была обставлена всем необходимым – кровать, полки с книгами и шкаф для одежды с зеркальными дверьми, компьютерный стол и даже цветы на подоконнике. Нежно-сиреневые обои с белыми полосами смотрелись мило в сочетании с разными побрякушкам, статуэтками, аксессуарами для волос, разложенными на настенных полках над кроватью. В углу за компьютерным столом она разглядела гриф гитары, выглядывающий из-за приспущенных штор.

– Катя на время твоего пребывания будет спать в гостиной, – продолжала Елена. – Поэтому комната полностью в твоём распоряжении.

Они прошли в гостиную, Моник с удовольствием уселась в мягкое кресло и поняла, что она находится в крайней степени усталости. Ее невероятно привлекла мама Кати. Она не могла оторвать от нее взгляд, пока та грациозно перемещалась по комнате, сервируя стол для ужина. Елена отправила Катю с каким-то поручением в другую комнату, чему Моник была очень рада. От постоянно сыплющихся от Кати вопросов и прочей информации у нее начинала пухнуть голова. Елена с улыбкой на лице тихим голосом рассказывала о семье, о том, как они живут и чем занимаются. При этом очень тактично ни о чем не спрашивала Моник, а просто время от времени делала паузы, давая ей возможность в случае ее желания вставить реплику. Такого желания у Моник не возникало, поэтому Елена продолжала рассказывать дальше.

Моник узнала, что Елена работает воспитателем в частном детском саду, а до этого преподавала английский язык в институте. Отчасти благодаря этому Катя хорошо владеет английским языком и поэтому смогла принять участие в международной программе обмена. Ее муж Владислав работает в страховой компании, иностранным языком не владеет, поэтому Моник, скорее всего, общаться с ним напрямую не придется. Они оба – Елена и Владислав, большую часть времени проводят на работе, так как дети уже взрослые и самостоятельные. Поэтому Моник, наверняка, будет достаточно комфортно находиться в их семье и спокойно посвятить себя написанию работы.

Моник оглядела гостиную. Светлая, просторная комната со свежими обоями в оранжево-коричневых тонах и желтовато-коричневыми шторами до пола была оформлена в смешанном стиле. Из обстановки в комнате был очень старомодный гарнитур с потускневшими золочеными вставками и ручками, хорошо сохранивший блестящее лаковое покрытие. «Ему вполне нашлось бы место в антикварном магазине, – подумала Моник, – или хотя бы в каком-нибудь старинном здании». Он очень плохо гармонировал с угловым диваном, сотворенным в духе минимализма. Два кресла, очевидно, были куплены в комплекте с предшествующим диваном – они были массивны, с широкими подлокотниками и высокой спинкой. Кресло, на котором сидела Моник, было в меру продавлено, из-за чего она приятно погрузилась в мягкую, но еще упругую ткань. На стене между двумя секциями гарнитура висела ЖК-панель телевизора, в ширину не меньше 40 дюймов по диагонали, зачем-то обрамленная в стертый позолоченный багет. Телевизор висел напротив дивана, а сидящим в кресле необходимо было

поворачивать голову налево. На полу лежал красный теплый ковер с восточным орнаментом. Под стать дивану был разложен простой стол – четыре ножки и столешница, покрытая скатертью. За стеклянными дверцами гарнитура была видна красиво расставленная посуда – чайные приборы, большие тарелки и блюда, фужеры и бокалы.

– Если тебе нужна ванная комната, я могу тебя проводить. Сейчас будем ужинать. Проголодалась? – мама Кати встала у дверей, чтобы проводить ее в ванную. Они прошли через холл, мимо кухни, из которой выглянула Катя, держа в руках поднос с пирожными и направляясь в гостиную. Ванная комната оказалась совмещенной с туалетом, при этом состояла из двух комнат. В первой располагался туалет с умывальником, а дальше сама ванная комната. Моник проявила любопытство и заглянула и туда. Она решила умыться. Взглянув на себя в зеркало, она еще раз отметила про себя, как выгодно оттеняла ее бледноватая кожа черные глаза и алые губы.

Когда Моник вернулась в гостиную, Катя и ее мама стояли у стола, а Владислав сидел на том кресле, которое до этого облюбовала Моник.

– Прошу к столу, – озарив свои слова улыбкой, произнесла Елена, указав рукой на место на диване, приготовленное для Моник.

Глаза Моник сканировали необычно помпезную сервировку стола, рецепторы передавали в мозг информацию о вкусе блюд, вибрации воздуха складывались в вежливый разговор. От переизбытка новой информации за сегодняшний день Моник уже не могла оценивать происходящее на предмет нравится или не нравится. Она просто продолжала впитывать все новые и новые факты, детали, обстановку, словно робот, откладывала в ящик всю информацию, рассчитывая переработать ее и разложить «по полочкам» позже.

Обстановка за столом была несколько натянута, а разговор то и дело затухал, несмотря на неистощимую многословность Кати и умение Елены искусно выстраивать разговор. При этом оба «молчуна» не чувствовали неловкости. Владислав не понимал о чем шел разговор, а для Моник молчание было вполне привычной и комфортной средой.

Ужин закончился, и компания сидела некоторое время, откинувшись на спинки. Владислав теребил салфетку, Моник теребила застежку на джинсах, Катя подъедала маслины с тарелки, а Елена, оперевшись подбородком на сложенные руки, переводила взгляд с дочери на мужа, на Моник и обратно, чему-то улыбаясь про себя.

– Нам завтра надо сесть и составить план нашей совместной работы, – вдруг начала Катя, обратившись к Моник.

– Катя, – прервала ее мама, – у вас впереди целых 6 месяцев! Неужели за это время не успеете хотя бы план составить? – она посмеялась и приподнялась, чтобы собрать со стола посуду. – Отправляйтесь отдыхать. Катя, помоги Моник разместиться.

Моник пришлось еще полчаса выслушивать разъяснения Кати, прежде чем ее окончательно оставили одну. Наконец, дверь в комнату закрылась, оставив Моник размышлять о загадочной присказке, которую Катя успела шепнуть, выходя из комнаты: что-то говорилось в ней о женихе, которого Моник предстояло увидеть во сне.

Некоторое время Моник сидела неподвижно на кровати, глаза ее блуждали по комнате, останавливаясь на разных мелочах. Голова, переполненная информацией, по состоянию напоминала ей паровоз – тяжелая и шумная, готовая выпускать пар из ушей. Ей безумно хотелось отправиться в душ, чтобы смыть с себя пыль, прилипшую к ее телу за целый день, но она никак не могла взять себя в руки, чтобы подняться с кровати. Она решила полежать чуть-чуть, но это закончилось тем, чем заканчивается обычно в таких случаях.

Через час Елена, завершив дела на кухне, заглянула в комнату Моник. Увидев, что та спит беспробудным сном, одетая и, съжившись в позе эмбриона, она аккуратно вытащила из-под нее покрывало и укрыла ее, не забыв по-матерински провести ладонью по ее гладким, прямым волосам. Потом тихонько вышла из комнаты, потушив свет.

4

Закрутилась первая неделя. Первое утро Моник в доме принимающей ее семьи было тяжелым, так же, как и все остальные. Она спала допоздна, из-за чего весь день потом проходил как в тумане. При этом вечером она тоже быстро засыпала таким крепким сном, что иногда не помнила, как опускала голову на подушку.

Катя возвращалась с учебы в университете в 2 часа после полудня. Она училась на последнем курсе филологического факультета. Два раза в неделю, в дни, когда у нее было мало пар, она подрабатывала в международном отделе. Она занималась подбором международных образовательных программ, открытых в университетах по всему миру. Об этом, не без гордости, Катя сообщила Моник в первый же вечер. К моменту возвращения Кати Моник, спавшая почти до обеда, едва успевала пообедать, убрать за собой посуду и принять душ. За Катей подтягивались ее подруги, приятели и родственники. Каждый день – новые лица. Моник через пару дней сообразила, что Катя устроила смотрины, и поэтому каждый день к ней, словно случайно, под самыми разными предлогами наведывались ее знакомые.

В первый вечер к Кате пришли в гости ее подруги. Они неплохо говорили по-английски, но то и дело переходили на русский язык. Это совсем не раздражало Моник, так как не мешало ей пристально изучать их, разглядывая черты лица, детали одежды, наблюдать за жестами и постоянными переглядываниями. Она чувствовала, что ее пытливый взгляд смущал девочек, но ничего не могла с собой поделать. Они были совершенно другими. Одеты так нарядно, словно они собрались на вечеринку или даже прием. Четко отобранные аксессуары, серьги дополняли образы и приковывали взгляд Моник. Подруги – Роза, Ирина и Мадина – принесли немного теплых вещей для Моник. Пальто с меховым воротником, которое очень хорошо село по фигуре Моник; сапоги на платформе с тонкими каблучками, от которых Моник сразу отказалась; тогда ей предложены были меховые полусапожки на плоской подошве сиреневого цвета – угги; несколько теплых свитеров и теплое шерстяное платье с высоким воротом.

Все подруги были одновременно схожи и различны по стилю в одежде и манере поведения. У каждой из девушек был свой стиль и подобранный к нему антураж. Даже у Кати был свой особенный стиль, хотя изначально Моник не обратила на это внимания. Однако, что-то еле уловимое в их поведении указывало, что они стремятся подражать определенному образу. Поэтому каждое слово, каждый жест, улыбка проверялась на соответствие выбранной модели поведения. Этот общий тренд объединял их в одну цельную картинку – живую, милую, полную непосредственного кокетства. И именно на их фоне Моник, словно игрок, не знавший правила игры, смотрелась настолько обособленно.

Моник не сразу раскусила их ролевые игры и поэтому все пристальнее вглядывалась в их лица, пытаясь понять, чем же так завораживают ее эти девушки. Она впервые поняла смысл выражения – щебетание. Девушки ловко перебрасывались словами, словно запуская друг в друга воздушные пузыри, при этом непрерывно хихикали, одаряли друг друга ужимками и искрили многозначными взглядами. Грань между естественностью и наигранностью была настолько тонкой, что, когда Моник, наконец, поняла, что ей отведена роль зрителя в спектакле, где у актрис нет вторых ролей, она еще глубже погрузилась в свое молчаливое недоумение.

После обновления гардероба Моник и чаепития Катя предложила прогуляться до торгового центра, чтобы развеяться и присмотреть на всякий случай еще какую-нибудь одежду и по пути зайти в банк, чтобы обменять деньги. Моник, просидевшая дома целый день, разбирая вещи и осваиваясь с помощью Кати в квартире, с радостью согласилась.

Девушки дружно поднялись, как по команде, и, устроив столпотворение в коридоре, с гиканьем и хохотом начали одеваться. Одевшись и опустив возгласы восхищения в адрес

Моник и ее одеяния, они по очереди высыпались в коридор и затолкались в маленькую коробку лифта.

– Ты еще не ездила в общественном транспорте в часы пик? – очень серьезно спросила Мадина, обращаясь к Моник. Та покачала головой. – Ну, тогда наша поездка в лифте будет хорошей репетицией. Хотя, поверь мне, ехать в полном автобусе намного безопасней, чем в пустом. Со всех сторон тебя поддерживают, главное успеть занять вертикальное положение до того, как закроются двери, – тут девчонки снова дружно рассмеялись, продолжая добавлять реплики на русском.

– Я думаю, для знакомства с нашими распрекрасными красными автобусами следует выделить отдельное время, – подхватила тему Ирину. – Это захватывающий аттракцион!

– Сегодня мы точно обойдемся без них, – продолжая смеяться, сказала Катя, – прогуляемся пешком.

Компания вышла на улицу. Снова, как в момент выхода из здания аэропорта, Моник ощутила пощипывающий кожу лица и рук мороз. К минусовой температуре присоединился ветер с колючими снежинками. Увидев, что девушки подняли воротники и потуже затянули шарфы, она втянула шею в плечи и уткнулась носом в шарф, наспех обмотанный в несколько слоев вокруг воротника.

Подружки изящно семенили по покрытой снегом, утоптанной дорожке, балансируя время от времени на скользких участках. Моник, несмотря на то, что подошва одолженных ей утг была плоской, с непривычки волочила ноги по дороге, силясь не поскользнуться. В итоге Катя подхватила ее под руку, от чего она сразу почувствовала себя уверенней и начала крутить головой по сторонам, рассматривая улицу. На улице было многолюдно. Люди, кто торопливо, кто не спеша, обгоняли компанию девушек и шли навстречу. Редкие деревья вдоль дороги были полностью облеплены снегом, который склоченными комьями лежал на ветках и искрился с чуть затвердевшей на морозе коркой. Проходя мимо серо-белых многоэтажек, Моник отметила, что сегодня они не выглядят такими устрашающими, как вчера. Мерцающие вывески озаряли темную облачную ночь празднично-легкомысленным светом.

Обменяв небольшую часть денег на русские рубли, Моник задала вопрос, что и сколько можно купить на ту или иную сумму. Этот вопрос пришелся по нраву девушкам. Они стали наперебой приводить ей примеры. Моник узнала, но не запомнила и половины, сколько стоит хлеб, молоко, проезд в автобусе и метро, платье, сапоги, кофе, чизкейк, билет в кино. Помимо этого, она узнала стоимость всего, что попадалось на глаза девушек по дороге. Большая часть экземпляров была явно оценена навскидку и шутки ради, что вызывало бурный хохот всей компании. Так, ей предложили цену уличного фонаря целиком и в разобранном виде, крышки от люка, мусорного контейнера и куртки симпатичного парня, попавшегося навстречу.

Зарумяненные от мороза, со снежинками на воротниках и ресницах, шумные и вальяжные, девушки вошли в ярко-освещенный торговый центр. Он располагался аккуратно рядом с примеченным вчера «Макдональдс», и у Моник в голове сразу нарисовалась карта окрестности. Позади дом, налево – дорога в аэропорт. Город простирался и дальше – направо и прямо уходили шахматки из темных и освещенных окон домов. Оказавшись в торговом центре, Моник смогла пристальнее рассмотреть людей.

Несмотря на бушевавшую на улице зиму, девушки и женщины умудрялись извлекать выгоду из этого положения. Они облачались в высокие сапоги на каблуках, придавая подтянутость фигуре и подчеркивая стройность ног; украшали голову меховыми и вязаными головными уборами, которые выгодно обрамляли лица, позволяя при этом паре дерзких локонов кокетливо выбиться наружу; одевали шубки, пальто и пуховики, которые, вопреки укоренившему у Моник мнению о подобного рода одежде, вовсе не были бесформенными и широкими, напротив, они были выкроены специально, чтобы обозначить выдающиеся изгибы женского

тела. Моник вдруг стало неловко за свой небрежно повязанный шарф, и она решила расстегнуть пальто.

После недолгих блужданий по торговым павильонам подружки решили расходиться по домам и, тепло попрощавшись с Моник, оставили ее с Катей у выхода из торгового центра.

5

Погрузившись в водоворот новых лиц, Моник за всю неделю едва успела разложить свои вещи по шкафчикам, подключить ноутбук к Интернету и более или менее освоиться в квартире приемной семьи. Несколько раз за неделю они с Катей прогуливались в окрестностях района – либо до ближайшего магазина, либо провожая очередных гостей. Моник уже почти привыкла к мрачно-серому пейзажу жилого квартала, пересеченному вдоль и поперек грязными лентами дорог. Тем более, что снежные покровы превращали все вокруг в сказочную картину.

Родителей Кати она видела мельком по вечерам – выходила к ним поздороваться. Ужинали девчонки, как правило, в комнате Кати или перед телевизором в гостиной. Катя говорила, что крошечная кухня в их квартире рассчитана на одного человека, и этот человек – ее мама. Поэтому у них дома завелся сервировочный столик на колесиках, на котором еда вывозилась в гостиную или спальню, где и поглощалась. При этом родители Кати, по всей видимости, ее подхода не поддерживали и ужинали именно на кухне.

Моник каждый вечер клятвенно обещала себе, что со следующего дня углубится в работу по проекту. Удивляло ее то, что Катя так и не подошла к ней со своим планом работ и вообще никаким образом не намекала ей об этом, словно Моник просто приехала погостить. Подготовительная гонка, которая длилась последние несколько месяцев, так измотали Моник, что она с удовольствием отсыпалась в тишине этой уютной и теплой квартиры, а после обеда с радостью участвовала в приеме таких разных, иногда странных, иногда милых и смешных посетителей.

Пришли выходные, хотя, если бы об этом не сказала ей Катя, то Моник даже не вспомнила бы о них, так как она сбилась со счета дней недели. Накануне, в пятницу, Катя объявила, что завтра они отправятся на экскурсию в центр города. Предложение показалось заманчивым, тем более Моник понимала, что целый выходной день лучше провести, гуляя по улицам, чем в четырех стенах с домочадцами приемной семьи и Катей. В квартире, в которой трудно было найти укромное местечко, выходные вполне могли бы оказаться пыткой для любившей уединение Моник.

На следующее утро погода благоволила прогулкам. Была солнечно, и Моник впервые увидела жилой квартал при дневном свете. Солнце отражалось от крупинки снега, играя бликами на нем, из-за чего сильно слепило глаза, как на берегу белоснежного песчаного пляжа. Катя перекинула через плечо сумку с зеркальной фотокамерой и обратилась к Моник:

– Сегодня будем составлять фотоотчет о твоём знакомстве с городом! Любишь фотографироваться?

Моник покрутила запястьем руки, что должно было означать нечто среднее между «люблю» и «не люблю». Не дождавшись подтверждения ее жеста словами, Катя начала сама отвечать на вопрос:

– Я раньше тоже просто ненавидела фотографироваться. Не потому, что я выходила плохо, я, кстати, очень фотогенична.

«С такой улыбкой трудно плохо выходить на фотографиях», – подумала про себя Моник.

– Мне казалось, это так скучно и банально – позировать на фоне пейзажей и городского вида, какими бы потрясающими они не были. Ну, сфоткаешься один раз вприсядку, один раз стоя, один раз подпрыгнешь, в обнимку с подружкой – ну что еще интересного можно придумать?

Моник слушала Катю, непрестанно оглядываясь по сторонам, пока они двигались в направлении все того же торгового центра. Высокое бездонное небо, неожиданно для Моник, так обрамляло картину этого серого района, что он превратился в приветливое, светлое и просторное место.

Тут Катя изменила тональность своего голоса, и Моник непроизвольно начала вслушиваться в ее речь.

– Но, однажды, перебирая старые фотографии, я вдруг поняла, в чем смысл обязательного моего присутствия на них, – Катя была мастерица рассказа, знала это и использовала, играя голосом и даже на английском подбирая сложные художественные обороты. – Когда видишь просто фотографию местности, даже если побывал там, ты не соотносишь себя с этой картинкой. И воспринимаешь ее обособленно от себя. Но, когда разглядываешь снимки, где есть ты, пусть даже в одной и той же позе манекена на всех фотографиях, воспоминания пробуждаются, и ты переносишься в ту обстановку, заряжаешься тем настроением. Вспоминаешь, в каких обстоятельствах был сделан снимок, что ему предшествовало, и куда ты направился после. Словом, сама суть фотографии как раз заключается в том, чтобы ты был на них запечатлен. Тогда они смогут выполнять задачу фиксации мгновения. Только надо обязательно пересматривать фотографии время от времени, – при последних словах она хихикнула, разрушив всю помпезность от ее тирады.

«Кажется, это слишком сложно для меня», – подумала про себя Моник, а вслух кивнула в знак согласия. В любом случае, что-то в этом есть, надо пересмотреть при случае свои фотографии.

Они уже подходили к торговому центру, и Катя сказала, что с этого дня она начнет знакомить Моник с транспортной системой города, чтобы она впоследствии могла сама передвигаться по городу.

– Сейчас мы спустимся в метро. В нашем районе находится конечная станция, поэтому мимо нее не проедешь. На метро удобнее всего выбраться в центр города, а оттуда уже отправляться по нужному адресу, – сказала Катя, доставая небольшую картонку в форме визитки. – Вот здесь я написала адрес нашего дома, мой и мамин номера телефонов. Мы купим тебе местную сим-карту для сотового телефона, чтобы ты могла быть на связи.

Моник сосредоточенно слушала. Она понимала, сейчас надо будет поднапрячься, чтобы не упустить ничего важного.

Девушки спустились в метро, в котором стоял запах сырого цемента. Станция, оформленная бордовым мрамором, была заполнена людьми. Поезда долго ждать не пришлось, и девушки, увлекаемые толпой, оказались внутри чистого, новенького вагона. Им повезло занять места. Катя, не теряя времени даром, вытащила туристическую карту и, склонившись к Моник, начала показывать маршрут предстоящей прогулки. Моник чувствовала на себе взгляды людей, окружавших ее. Ей даже казалось, что трое парней, стоявших подле, ниже склонили головы, пытаясь заглянуть в карту или расслышать разговор девушек.

Катя комментировала все остановки и показывала на карте их местоположение.

– Я думаю нам потребуется несколько дней, чтобы у тебя в голове сложилась общая картина города, – сказала Катя. – После этого ты не будешь ни к кому привязана и сможешь самостоятельно передвигаться по городу, а не сидеть в заточении в нашей квартире!

«Я вовсе не думала так про вашу квартиру», – кажется, снова про себя сказала Моник, но вслух говорить было бесполезно, так как поезд снова тронулся и помчался вглубь темного туннеля.

– На следующей станции выходим, – Катя сложила карту в сумку и, когда поезд начал замедлять ход, поднялась с места, увлекая за собой Моник.

6

Панорама города, которую Моник увидела, выйдя из метро на поверхность, отчетливо врезалась в ее память и очень впечатлила. Белоснежные стены крепости – Кремля, выросшие из заснеженного холма, упирались в небосвод. В глубине крепости возвышались минареты мечети, вытянутые ввысь. Полумесяцы на минаретах, казалось, пронизывали небо. Блики солнца отражались от пронзительно голубой черепицы купола, делая мечеть такой нарядной и сверкающей. У основания холма пролегла автомобильная дорога, огибала его и уходила на мост через речку. Через дорогу, в низине разместилось несколько разноформатных зданий – овальный стадион, приплюснутое серовато-облезлое здание цирка, концертный зал в пирамиде из черного мрамора и совмещенные между собой полусферой две зеркальные коробки здания пятизвездочного отеля. Еще дальше простиралась покрытая снегом река.

Ей тут же было предложено сфотографироваться на фоне стен крепости и мечети, поэтому лицезрение панорамы было недолгим. Потом под непрерывное повествование Кати они поднялись по ступенькам вверх холма, сделали несколько снимков у подножия башни с часами и звездой на острие макушки и направились внутрь крепости. Нагулявшись вдоволь на территории Кремля, они вышли под противоположной башней и, вновь поднявшись на холм, пошли вдоль крепостной стены. Город открывался все дальше и дальше. С высоты холма было видно, что он простирается далеко и очень густо застроен многоэтажками. Между крепостью и жилыми кварталами протекала река, которая сейчас была покрыта снегом.

Под вдохновенный рассказ Кати, в котором переплетались и история, и легенды, и множество самых разных фактов о городе и его жителях, Моник вдруг впервые с момента приезда начала ощущать приятную легкость и беззаботность. Она будто сбросила с себя груз переживаний и тревоги. Ей стало казаться, что она уже почти привыкла к городу и к новой обстановке. Пока Моник смаковала свои новые ощущения, девушки вышли на место, откуда открывалась не менее впечатляющая панорама. Вдоль набережной выстроился ряд зданий, выполненных в стиле помпезного классицизма. Самое первое напоминало дворец – с колоннами, массивными статуями мифических животных и коней, а еще огромным деревом по центру. Чуть дальше в схожем стиле стояло два дома с апартаментами.

Моник замедлила шаг и не сводила глаз с этого комплекса зданий. Похоже было, что это свежестроенные здания. Вернее, они казались намного моложе стен Кремля. Моник вопросительно взглянула на Катю, ожидая от нее комментариев.

– Это – Дворец земледельцев, а там – многоквартирные дома, – разъяснила Катя.

– Земледельцев?! – удивилась Моник.

– Ну, может, в Бельгии земледельцы обитают в хижинах, а у нас – во дворцах! – рассмеялась Катя. Но потом серьезным тоном поправила: – Здесь располагается министерство по сельскому хозяйству.

– А в тех домах, наверно, живут те самые зажиточные земледельцы? – решила поддержать шутливый тон Моник.

– Не совсем земледельцы, но уж точно зажиточные, – ответила Катя.

Дойдя до конца прогулочной тропы, тянувшейся вдоль стен Кремля, Катя повела Моник вглубь города, который был застроен в большинстве своем двух-трех этажными зданиями. Моник уже почти поддавалась очарованию города и охотно позировала для фотографий, принимая тот самый выгодный ракурс. Ее умилял почти кукольный вид домов с их простыми линиями и не перегруженными декоративными элементами фасадами.

Пообедав в городе, девушки отправились домой на маршрутном автобусе, который долго вез их по улицам, хорошенько встряхивая их на то и дело попадающихся кочках. По пути

Катя продолжала рассказывать Моник о городе, привлекая тем самым внимание немногочисленных пассажиров, которые с нескрываемым любопытством разглядывали Моник.

Вечером к ужину квартиру наполнили гости – все та же троица закадычных подруг Кати, знакомые Моник, кузины и кузены и их родители. На стол были выставлены 2 бутылки вина – красного и белого. Моник осушила парочку бокалов, запивая ими блюда, на приготовление которых, по всей видимости, Елена потратила половину дня. На столе стояли блюда с тремя видами слоеных салатов – со свеклой, картошкой, соленой селедкой, а еще с черносливом и гранатом и один нежный с вареными яйцами, консервированной рыбой и картошкой. Мясо, тушеное с картофелем и маринованными огурцами. Свекольный суп, к которому были поджарены гренки из белого батона. Да еще выставлены пожаренная рыба и куриные крылышки. Помимо этого на столе стояли несколько видов выпечки. По всей видимости, торжественный ужин, запланированный на день приезда Моник, наконец, состоялся. Из-за блюд, манивших своим видом и запахом, за Моник следили глаза Елены. Сначала она бросала на нее беглые взгляды, но под конец вечера уже пристально вглядывалась в ее лицо, словно ожидая от нее чего-то.

Моник разгоряченная от вина, не стала разговорчивее. Напротив, она окончательно ушла в свои раздумья и совсем перестала участвовать в разговоре за столом, тем более он и так все время «провисал» из-за трудностей языкового общения с гостями. От еды и выпитого вина Моник расслабилась и, откинувшись на спинку стула, сидела, поджав губы и уставив взгляд в угол комнаты.

Когда Владислав и другие не говорящие по-английский взрослые, поблагодарив Елену за ужин, вышли из-за стола, Елена завела разговор о том, как продвигается работа по диплому.

– Мы как раз завтра обсудим план работы, а в понедельник отправимся в библиотеку. Покопаем там литературу, посмотрим, что можно будет выудить из ее недр, – подхватила тему Катя.

От взгляда Кати, брошенного в сторону Моник при этих словах, она поежилась. Ее словно вытащили из теплой ванны в холодную стужу. Она поняла, что совершенно не представляет, с чего начинать писать свой проект. В ответ на изменившееся выражение ее лица, она увидела в глазах Елены сочувствие.

– Времени для сбора материал достаточно, но главное – не забывать о промежуточных отчетах, – напомнила Елена. – Не стесняйся обращаться за помощью ко мне, – обратилась она к Моник. – Я знаю, что Катя выступает куратором проекта, но она впервые участвует в такой программе, поэтому и у нее могут возникнуть трудности, – мягко кивнув головой в сторону Кати, улыбнулась Елена.

«Самые большие трудности будут только у меня, когда подойдет время писать отчет о проекте», – вздохнула про себя Моник.

– Мы справимся! – весело парировала слова матери Катя. – Верно? Это не первая и не последняя, я надеюсь, научная работа в моей жизни. Главное, правильно начать!

– Не забывай, это проект международного значения. Поэтому все-таки прошу отнестись серьезнее. Мы очень надеемся, Моник, что твоя диссертация получит самые хорошие отзывы.

Засыпая, Моник вспомнила, что за всю неделю не нашла времени заглянуть на свою страничку в Фейсбук, чтобы поведать подругам и бойфренду о том, как она устроилась.

7

Новая неделя набирала обороты. План работы, который они пытались составить с Катей, казался совершенно нежизнеспособным. Ни у Моник, ни у Кати не было ни малейшего представления, с чего начинать поиски.

– Хорошо было бы описать поэтапно, как образовалось такое многонациональное государство, как ваше, – Моник пыталась сформулировать ключевые вопросы своего исследования и одновременно подбирала звучные фразы, которые можно было бы использовать при написании работы. – Какие государственные инициативы обеспечивают целостность интересов всех народностей, проживающих на территории республики?

Увидев полные от растерянности глаза Кати, Моник поспешила поправить:

– Или какими мерами удастся достичь «дружбы народов»?

Поняв по выражению лица Кати, что этот тезис не менее сложен, чем предыдущий, она добавила:

– Или что получится найти.

– Мне кажется, надо начать с истории края, – наконец сообразила Катя. И, обрадовавшись, что решение найдено, начала быстро развивать тему. – Обозначим этапы развития нашего государства, как многонационального. – А остальную информацию, пожалуй, можно будет найти в журналах, отчетах каких-нибудь министерств, может быть, посетить какую-нибудь конференцию, – Катя на секунду задумалась, оценивая, насколько реальны ее источники. Но, тут же вспомнив про беспроигрышный вариант, подытожила:

– А вообще очень много информации можно найти в Интернете!

Моник усмехнулась и тут же обреченно вздохнула. Стоило ли лететь за сотни километров, чтобы посидеть в русском Интернете!

– В любом случае, для начала мы окопаемся в библиотеке. Надо нащупать ниточку, а там и весь клубок развяжется, – обрадованная своей находчивостью, Катя улыбалась во весь рот.

В понедельник они отправились в библиотеку университета, в котором училась Катя. Усадив Моник в читальный зал и поставив на стол несколько сборников об истории края на английском языке, Катя сообщила, что ей необходимо отлучиться на учебу.

– Я вернусь через полтора часа, может и раньше. Если тебе понадобится уйти, то пиши мне смс или просто позвони, ок? – проинструктировала Катя Моник.

Проводив Катю взглядом, которая на пороге в сотый раз обернулась и помахала рукой на прощанье, Моник принялась просматривать сборники. Начало показалось интересным, но чем дальше в историю, как это обычно бывает, тем больше запутанных сюжетных линий вплетали в повествование авторы. Через какое-то время у Моник начала пухнуть голова от имен, названий регионов, цифр и интриг. Она посмотрела на часы и увидела, что прошло только 20 минут. Она закрыла свой нетбук, который захватила с собой, чтобы набирать информацию в текстовый файл. Посидела еще несколько минут, рассматривая других посетителей библиотеки. И решила выйти прогуляться.

На улице шел мягкий снежок. Пушистые снежинки садились на ее пальто, шарф и ресницы. День был светлый и относительно теплый. Возле главного здания университета было немногочленно. Зато весь тротуар и обочина дороги заставлена автомобилями. Моник медленно шагала по дороге, спустилась с горы и вышла на пешеходную улицу, которая была покрыта брусчаткой. Вернее, улица была покрыта снегом, а частично вообще завалена сугробами. Но вдоль зданий, окаймлявших улицу, были почищены тропинки. Прогулявшись туда и обратно по улице, вдоволь поглазев на людей, Моник вернулась в библиотеку. Остаток времени, дожидаясь Катю, Моник пересматривала фотографии на нетбуке. Время полетело значительно быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.